

ПРОБЛЕМАТИКА ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ ВОПРОСОВ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В СТАРОМ ВИЛЬНЮССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1822—1832 ГОДЫ.

А. КАУПУЖ

Сопоставить уровень развития научной и критической литературоведческой мысли в России в начале XIX века с уровнем преподавания русской литературы в Вильнюсском университете представляется задачей весьма нужной, т. к. дидактика предмета, опираясь на существующие труды, обуславливает, с другой стороны, появление новых исследователей и их работ.

Курс русской литературы читался во всех существовавших в то время университетах империи (Московском, Харьковском, Дерптском, Казанском, Виленском, Петербургском, Варшавском), а также в учебных заведениях, приближавшихся по своему уровню к высшим (в Царскосельском, Одесском, Кременецком лицеях и в гимназии «высших наук» в Нежине). Говорить об одном из университетов без привлечения данных о других значило бы лишиться того фона, который позволяет судить о сравнительных достоинствах лекций, об относительной их глубине и широте. В предлагаемой статье речь пойдет о Вильнюсском университете, но для сопоставлений будут привлекаться факты, касающиеся других учебных заведений.

О И. Н. Лобойко писали по-разному. Опуская краткие статьи в энциклопедиях и работы, посвященные иным темам, в которых только косвенно говорится о Лобойко как профессоре русской литературы (В. Мацюнаса, М. Биржишки, И. Лебедиса, Ю. Белинского, Л. Яновского, С. Фишмана, Р. Волошинского, Г. Батовского, Б. Бялокозовича, И. Капланаса и др.), сопоставим два противоположных мнения о нем: С. Ланды и И. Лебенки. С. Ланда, ссылаясь на воспоминания филомата Н. Малиновского и на рецензию Н. Полевого в «Московском телеграфе» за 1827 год, отрицательно оценивавшую изданную Лобойко хрестоматию, считает, что Лобойко относится к разряду малоодаренных и реакционных профессоров-словесников¹. И. Лебенка же, используя архив Лобойко и воспроизводя его высказывания о самом себе, а также учитывая тот факт, что Лобойко был одновременно с К. Рылеевым,

¹ Выставка памяти А. Мицкевича. 1798—1955. Каталог. Ленинград, 1957, стр. 16.

Ф. Глинкой и др. членом санктпетербургского «Вольного общества любителей российской словесности», относит его к прогрессивным деятелям, а его планы создания учебника русской литературы называет «попыткой издать первую научную «Историю русской литературы»².

Поскольку Лобойко интересует нас только как профессор русской литературы в университете (т. е. с 1822 по 1832 г.), а рукописи и планы его «Истории русской литературы» относятся к 1835—1840 годам, мы будем привлекать их лишь иногда и в качестве вспомогательного материала. В нашем изложении основными архивными документами являются протоколы университетских экзаменов, рукописи и письма Лобойко и др. источники. Как видно из переписки с проф. И. М. Снегиревым, к 1827 году у Лобойко был готов «Обзор русской словесности», который он высылал Снегиреву для консультации. После просмотра последний написал Лобойко: «Ваш обзор русской словесности написан со вкусом и слогом известным»³. В ИРЛИ, в архиве Лобойко, сохранился краткий конспект истории русской литературы в форме вопросов и ответов — «История российской словесности от времен св. Владимира до Петра Великого»⁴. Рукопись представляет собой тетрадь с основным текстом вопросов и ответов, а также многочисленными дополнениями, вписанными в 1833—1839 годы и даже позже на оставленных чистыми листах. Не утверждая категорически идентичности «Обзора», высылавшегося Снегиреву, и тетради из ИРЛИ, все же, думается, что в качестве источника сведений об университетских лекциях Лобойко можно привлечь сохранившиеся вопросы и основной текст ответов без более поздних добавлений. (Это тем более оправдано, что некоторые вопросы из рукописи напоминают экзаменационные).

Экзаменационные вопросы Лобойко, как они отражены в протоколах отделения литературы и изящных искусств, можно разделить на 3 основные группы: 1) вопросы по русской литературе, 2) по русской истории и истории русской культуры, 3) по языковедческим дисциплинам. В данной статье будут использованы вопросы первой группы. В протоколах за разные годы вопросы повторяются. Как видно по черновым наброскам Лобойко, его дополнения к лекциям заключались прежде всего в увеличении библиографических позиций, а не в изменении концепции истории русской литературы. Поэтому все вопросы за 10 лет рассматриваются нами по тематическим группам, а не хронологически.

Некоторые вопросы по истории литературы носят очень общий ха-

² И. Лебенка. Жизнь и научная деятельность. И. Н. Лобойко в Литве. Научные труды высших учебных заведений Лит. ССР, Литература, IX, Вильнюс, 1966, стр. 95 и след. (Далее: И. Лебенка... Литература, IX).

³ Архив академии наук СССР, Р IV, оп. 52, № 8 (Далее: Арх. АН СССР).

⁴ Институт русской литературы АН СССР, ф. 154, № 7. (Далее: ИРЛИ).

ракти, и весьма затруднительно на их основании говорить о конкретном содержании соответствующих разделов лекций Лобойко. Таковыми являются вопросы: 1. «Писатели, которые почитаются образцами русского слога»⁵. 2. «Какие поэты почитаются образцами русского слога»⁶. 3. «О духовной поэзии россиян»⁷. 4. Краткие сведения о жизни русских поэтов, «известных ученой Европе»⁸. 5. О новейших прозаиках и стихотворцах⁹. 6. Участие иностранных писателей в развитии русской литературы¹⁰. 7. Самые знаменитые русские прозаики и поэты¹¹.

При попытке выяснения возможного содержания указанных тем очень мало могут помочь лаконичные печатные проспекты лекций. Однако, учитывая протоколы заседаний словесного отделения, совета университета и переписку Лобойко, можно и на их основании делать некоторые выводы. Так, например, в письме к Н. П. Румянцеву Лобойко писал: «По званию профессора я должен преподавать российскую литературу и историю российского государства, но, кроме сего, я по доброй моей воле преподаю историю российской литературы...»¹² Здесь ясно видно противопоставление двух курсов: **русской литературы** и **истории русской литературы**. Протоколы заседаний отделения и совета университета и проспекты лекций показывают, что под «русской литературой» Лобойко понимал «филологический и эстетический разбор лучших мест из произведений русских прозаиков и поэтов», а под «историей русской литературы» — обзор творчества русских писателей в хронологической последовательности¹³. Как на основное

⁵ Центральный государственный исторический архив Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 116, л. 29; № 1112, л. 133-об. (Далее: ЦГИА Лит. ССР). Вопросы, приводимые дословно, а не в изложении, взяты в кавычки.

⁶ Там же, № 1116, л. 29; № 1112, л. 133-об.

⁷ Там же, № 1115, л. 74.

⁸ Там же, № 1116, л. 10-об.

⁹ Там же, № 1115, л. 24, 50-об.,

¹⁰ Там же, № 1112, л. 130.

¹¹ Там же, № 1112, л. 133-об.

¹² Письмо от 14 января 1824 г. См. публикацию: А. Каупуža. XIX a. pradžios Lietuvos kultūros veikėjai pagal prof. I. N. Lobjokos susirašinėjimą su N. P. Rumiancevu, muziejaus steigėjų Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai, Literatūra, X, Vilnius, 1967, p. 182.

(Далее: А. Каупуža... Literatūra, X).

¹³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1114, л. 73. См. также отдел рукописей Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса, КС—206, л. 709 (Далее: ВГУ) Лобойко был выпускником Харьковского университета и учеником проф. И. С. Рижского, который также делил свой курс на «историю российской словесности» и «разбор произведений». См. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905), ред. М. Г. Халаянский и Д. И. Багалей, Харьков, 1908, стр. 14. (Далее: Историко-филологический факультет...) От Рижского, вероятно, и перенял Лобойко это деление.

пособие он указывал при этом на труды Н. Греча «Учебная книга российской словесности» (1819—1821) и «Опыт краткой истории русской литературы» (1822). Такое понимание курса повторяется в проспектах лекций и протоколах отделения, начиная с 1822 года ¹⁴. Это разделение подтверждает также список предметов, им преподаваемых, где упомянуты отдельно «объяснения российских писателей» и «история российской словесности» ¹⁵. Кроме трудов Н. Греча, Лобойко использовал словарь Е. Болховитинова. В 1834 г. он писал: «В продолжение десяти лет я пользовался трудами просвещенного митрополита Евгения и Н. И. Греча по части истории российской словесности, несмотря на появление в том же роде сочинений Плаксина и Глаголева ¹⁶. . . Читатели приметят, что я повторил в своих записках [...] факты и основанные на них заключения, какие в упомянутых книгах находятся» ¹⁷. В другом документе он снова пишет, что все время для занятий по словесности пользовался словарем Евгения ¹⁸.

«Опыт краткой истории русской литературы» Н. Греча В. Г. Белинский язвительно назвал «литературным адрес-календарем». Декабристский критик П. А. Катенин в 1822 г. выступил против карамзинистского направления этой книги ¹⁹. Однако при историческом рассмотрении ее значения на фоне предшествующих и современных ей трудов П. Н. Берков приходит к выводу, что перед восстанием декабристов Греч не был еще той одиозной фигурой среди русских писателей, каким стал позже, что в этом труде он выступает как либерал и даже своеобразный демократ ²⁰. Книга Греча долгие годы являлась основным пособием для преподавателей литературы ²¹.

¹⁴ ВГУ, КС — 206, л. 709.

¹⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1119, л. 249.

¹⁶ В. Т. Плаксин и А. Г. Глаголев — подражатели Греча. См. П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, ч. 1, Л. 1964, стр. 73 (Далее: П. Н. Берков. Введение. . .).

¹⁷ ИРЛИ, ф. 154, № 6, л. 25. Запись относится к 1834 г. — «Материалы и записки по русской словесности», т. 3.

¹⁸ Там же, № 39, л. 27. Проф. Дерптского университета В. М. Перевошников, преподававший с 1820 по 1830 г., также использовал в своих лекциях словарь Е. Болховитинова. В проспекте его курса записано: «История русской литературы по словарию писателей митрополита Евгения и Нозикова». См. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского бывшего Дерптского университета, ред. Г. В. Левицкий, т. 1, Юрьев, 1902—1903, стр. 354. (Далее: Биографический словарь. . . Юрьев).

¹⁹ История русской критики, т. 1, М.—Л., 1958, стр. 219. (Далее: История русск. крит.).

²⁰ П. Н. Берков. Введение. . ., стр. 38.

²¹ Там же, стр. 39.

Как можно судить по заметкам Лобойко в книге Греча, его дополнения были прежде всего библиографического характера²², что, впрочем, признает и он сам, когда пишет, что «повторил[...] факты и основные заключения из трудов Греча и Болховитинова»²³. Лобойко был очень активен в своих научных связях, постоянно получал сведения о литературных и научных новинках, читал журналы и новые книги, многое покупал для личной библиотеки, нельзя поэтому при анализе его лекций ограничиться лишь ссылкой на Греча и Болховитинова; при попытках восстановления отдельных тем лекций Лобойко представляется возможным обращение к современной ему научной и публицистической литературе.

При освещении 1-го и 2-го вопросов (писатели и поэты — «образцы русского слога»²⁴) Лобойко, вероятно, следовал канону имен, установленному у Греча, т. к. словарь Болховитинова был в этом случае менее полезен. Имена писателей XVIII в. встречающиеся в работах начала XIX века, повторяются у разных авторов (И. М. Борн, Н. И. Греч, А. А. Бестужев) с некоторыми изменениями. Обычно перечислявшиеся фамилии — это Ф. Прокопович, А. Кантемир, И. И. Хемницер, М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, М. М. Херасков, И. Ф. Богданович, Г. Р. Державин, В. П. Петров, В. И. Майков, Я. Б. Княжнин и некоторые др. Поэтому при оценке книги или курса лекций вопрос сводится не к тому, упомянут тот или иной автор или нет, а, скорее, к тому, в каком контексте о нем говорится. Правда, известным критерием могут быть следующие факты: говорится ли о Д. И. Фонвизине, упомянут ли Н. И. Новиков. (Имя А. Н. Радищева, конечно, во всех работах опускалось)²⁵. Для литературных «староверов» — таких, как А. С. Шишков — произведения литераторов XVIII века были непререкаемой нормой. Представители нового поколения развенчивали таких писате-

²² ИРЛИ, ф. 154, № 9, дополнения Лобойко к книгам Греча «Опыт краткой истории русской литературы» и «Учебная книга российской словесности». К каждому листу книг Греча имеется лист дополнений Лобойко. Видимо, эти заметки возникали постепенно в течение всех лет его профессорской деятельности.

²³ ИРЛИ, ф. 154, № 6, л. 25.

²⁴ Формулировка вопроса не оригинальна. Проф. Казанского университета Г. Н. Гордчанинов также говорил студентам о «лучших» российских стихотворцах». Кого он разумел, ясно: шишковист по убеждениям, бездарная притча во языцех всего университета, он преследовал все прогрессивное, «порочность модных стихотворений». См. Н. П. Загоскин. История императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования, 1804—1904, Казань, 1904, т. 3, стр. 498. (Далее: Н. П. Загоскин. История...). Иное — более прогрессивное — содержание в понятие «образцовый», «лучший» вкладывали А. Тургенев, В. Жуковский, А. Воейков, издавая в 1815—1817 г. «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе». (Изданы «Обществом любителей отечественной словесности»).

²⁵ П. Н. Берков. Введение..., стр. 43.

лей, как Сумароков, Херасков, хваля одновременно Фонвизина²⁶. Для эклектика Лобойко были одинаково приемлемы как установки староверов, для которых образцами слога были классики XVIII века, так и утверждения новой критики, усматривавшей поэтические достоинства в творчестве Н. Карамзина, К. Батюшкова, В. Жуковского. Такую оценку курса Лобойко мы постараемся доказать в последующем изложении.

О чем говорил Лобойко по третьему вопросу («духовная поэзия россиян»), думается, можно выяснить по изданной им хрестоматии²⁷. В разделе предисловия — «Взгляд на успехи в духовной поэзии россиян, французов и немцев» (стр. VI—IX) — Лобойко перечисляет заслуживающих, по его мнению, внимания авторов стихотворений духовного содержания: Ломоносова, Сумарокова, Н. Николаева, Хераскова, Державина, В. Капниста, А. Мерзлякова, А. Шаховского, П. Корсакова, Ф. Глинку, Н. Шатрова, С. Смирнова, Г. Салтыкова, С. Шихматова, Д. Шелехова. В тексте хрестоматии приводятся духовные стихотворения Мерзлякова, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Е. Кострова, Капниста, Хераскова, Дмитриева, А. Буниной, И. Богдановича, Ф. Глинки, Н. Шатрова, Княжнина, Карамзина, Востокова. Отбор имен не совпадал с принципом, положенным в основу известного словаря Е. Болховитинова²⁸. Как мы видим, Лобойко руководствовался прежде всего фактом написания произведений духовного содержания. В одном ряду оказываются Ломоносов и Н. П. Николаев, писавший, по выражению В. Кюхельбекера, «несносные стихи»²⁹, Державин и малоизвестный литератор, один из основателей журнала «Друг просвещения» Г. С. Салтыков, Херасков и поэт из московского кружка Мерзлякова С. Смирнов³⁰ и т. д. Однако, критерий Болховитинова (принадлежность писателя к «духовному чину») также нашел свое отражение. Так, например, в 30-м разделе краткой «Истории российской словесности» Лобойко говорил о «влиянии духовенства на успе-

²⁶ Там же, стр. 32.

²⁷ «Духовные и нравственные стихотворения. Собрание российских стихотворений в пользу юношества, воспитываемого в учебном округе императорского Виленского университета», Вильно, 1827. Профессора многих университетов занимались изданием пособий и хрестоматий. Вспомним, например, о риториках проф. Харьковского университета И. Рижского, о хрестоматии, изданной в типографии Харьковского университета «Отборные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе» Вербицкого, об изданиях петербургского проф. Я. В. Толмачева и др.

²⁸ «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви», СПб, 1818.

²⁹ В. Базанов. Ученая республика, М.—Л., 1964, стр. 236. (Далее: В. Базанов. Ученая республика).

³⁰ «Поэты начала XIX века». Малая серия библиотеки поэта (далее: М. с. б. п.). Л., 1961, вступительная статья Ю. М. Лотмана, стр. 33. (Далее: Поэты начала XIX в.)

хи просвещения в древней России», а в конце обзора замечал: «В XVII веке все важнейшие писатели были преимущественно из духовенства»³¹.

Следующий — 4-й — вопрос: о русских писателях, «известных ученой Европе», был сформулирован, несомненно, под влиянием интереса к русской культуре, особенно возросшего в начале XIX века. «Ученой Европе» были известны такие авторы, как Кантемир (начиная с первого немецкого издания «Сатир» в 1752 г. и французского издания 1749 и 1750 гг.³²), Ломоносов, Херасков, Крылов, Державин, Фонвизин, Карамзин, И. И. Дмитриев, Гнедич, Жуковский и др. Лобойко, усердный читатель современной ему периодической печати, как видно по книгам регистрации читателей университетской библиотеки³³, не мог, вероятно, не знать об оживленном отклике в России на издание трех хрестоматий: К. Ф. фон дер Борга «Поэтические творения русских» (1820), Бауринга «Российская антология» (1821) и Дюпре де Сен-Мора «Русская антология» (1823), тем более, что член «Вольного общества» Кюхельбекер выступил с анализом переводов у фон Борга, сравнивая их с французскими переводами у С.-Мора и английскими у Боуринга³⁴. (Кроме того, министерство просвещения в особом письме предлагало университету подписаться на антологию Сен-Мора³⁵). В связи с переводами Н. Греч писал, что «Россия постепенно вступает в европейскую семью на культурном поприще»³⁶, а П. Вяземский с удовольствием отмечал, что Европа начинает знакомиться с русской литературой³⁷. Думается, что именно в связи с этими откликами появился данный экзаменационный вопрос. (Возможно, Лобойко знал и о полемике по вопросам теории перевода, которая велась в то время между шишковистами и карамзинистами³⁸).

При попытке определения содержания 5-го вопроса — «о новейших прозаиках и стихотворцах» — на помощь приходят изданная Лобойко хрестоматия и, до известной степени, собрание его книг и книга регистрации читателей университетской библиотеки. В «предупреждении» к хрестоматии Лобойко перечисляет писателей эпохи Александра I,

³¹ ИРЛИ, ф. 154, № 7.

³² Х. Грассгоф. Первые переводы сатир А. Д. Кантемира. В: Международные связи русской литературы, М.—Л., 1963, стр. 105. (Далее: Международные связи...).

³³ Библиотека АН Лит. ССР (далее: БАН), F—9, № 112. ВГУ, КС—491.

³⁴ «Сын отечества», 1825, № 17.

³⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 567, оп. 2, № 603, л. 118.

³⁶ Ш. Корбе. Из истории русско-французских литературных связей в первой трети XIX века. В: Международные связи..., стр. 206.

³⁷ Там же, стр. 207.

³⁸ В. В. Виноградов. Проблемы стилистики перевода в поэтике Карамзина. В: Русско-европейские литературные связи, М.—Л., 1966, стр. 405.

разделив их на три группы: 1) «Имена поэтов, составляющих ныне ее подпору и славу», 2) поэты приобревшие «равное право на общественное уважение и признательность с 1821 г.», 3) те, что «подают наилучшие надежды». Список имен в каждой группе очень многочислен и на первый взгляд трудно определить, например, почему в 1-й группе вместе с А. Пушкиным, Н. Гнедичем, Ф. Глинкой, А. Востоковым, П. Вяземским оказались А. Бунин³⁹, Ф. Кокошкин⁴⁰, С. Висковатов⁴¹, Н. Остолопов⁴² и др.; почему во 2-й группе, с одной стороны, А. Грибоедов, И. Козлов, Е. Баратынский, А. Дельвиг, с другой же, — С. Раич⁴³, М. Дмитриев⁴⁴, А. Жандр⁴⁵, Б. Федоров⁴⁶; почему в третьей группе

³⁹ Вспомним язвительное пушкинское: «Хвостова, Буниной единственный читатель. [Ты вечно разбирать обязан за грехи]. То прозу глупую, то глупые стихи». «Послание цензору», 1822, цитирую по полному юбилейному изданию собрания сочинений: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, 1837—1937, т. 2, ч. 1, стр. 267. Последующие цитаты также будут приводиться по этому изданию. К творчеству А. П. Буниной, писавшей в напыленно-риторической манере, господствовало отрицательное отношение. См. Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, стр. 409. (Далее: Н. И. Мордовченко. Русская критика...).

⁴⁰ Ф. Ф. Кокошкин — малоизвестный поэт начала XIX века. А. Воейков в шуточном «Париасском адрес-календаре» называет его «знаком удивления», служащем при «великом раздавателе галиматии». См. «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.» Б. с. б. п., Л., 1959, стр. 598. (Далее: Поэты-сатирики...).

⁴¹ С. И. Висковатов — посредственный поэт начала XIX в. Ср. о нем пушкинское: «Глухона псаломпенья, [Известные творенья], Увы, одним мышам». А. С. Пушкин..., т. 1, стр. 99.

⁴² Н. Ф. Остолопов издал в 1816 г. в Петербурге «Стихотворения», кот. были переизданы в 1827 г. См. «Поэты начала XIX в.», стр. 419. Автор многочисленных статей и эпиграмм. См. «Русская эпиграмма XVIII—XIX в.» М. с. б. п. ред. В. Мануйлов, Л., 1958, стр. 88.

⁴³ С. Е. Раич. Ср. пушкинское: «Вот Раич — мелкая букашка». (А. С. Пушкин..., т. 3, ч. 1, стр. 204). Автор эпиграмм, посредственный поэт, переводчик и журналист; издатель альманахов; организатор «Общества любомудрых», противопоставлявшего себя гражданской поэзии декабристов. См. «Поэты 1820—1830 гг.» М. с. б. п., Л., 1961, вступительная статья Л. Я. Гинзбург, стр. 14—15.

⁴⁴ М. И. Дмитриев, поэт, прозванный Вяземским «Лже-Дмитриевым» (в отличие от своего дяди, известного баснописца), ставший в оппозицию к романтическому направлению. См. Н. И. Мордовченко. Русская критика..., стр. 202

⁴⁵ А. А. Жандр — писатель и переводчик начала XIX в. Даже переводные произведения Жандр наполнял «славяниной». (Н. И. Мордовченко. Русская критика..., стр. 344). В вышедшем в 1968 г. исследовании В. А. Бочкарева А. А. Жандр отнесен к писателям декабристского направления. См. В. А. Бочкарев. Русская историческая драматургия периода подготовки восстания декабристов. Куйбышев, 1968, стр. 138.

⁴⁶ Б. М. Федоров, «школяр-писатель», печально известный тем, что осудил в свое время отрывок из «Евгения Онегина» за «обилие ужей» («Уж небо осенью дышало, уж реже солнышко блистало...») и за слова «корова», «девчонки». См. А. С. Пушкин. О литературе. Примечания Н. В. Богословского, М., 1962, стр. 217.

Н. Языков, Ф. Тютчев, В. Туманский, В. Григорьев и — В. Олин⁴⁷, А. Крылов⁴⁸, А. Родзянко⁴⁹, П. Арапов⁵⁰. Имеет ли здесь место — если говорить о позабытых или почти позабытых — случайный подбор имен, встретившихся в журналах и альманахах, или все же Лобойко чем-то руководствовался? Ответ, думается, следует искать в деятельности санкт-петербургского «Вольного общества любителей российской словесности», действительным членом которого Лобойко был с 1818 г.⁵¹ и в заседаниях которого в 1820—1821 г. принимал участие. Если сравнить список приводимых в хрестоматии Лобойко русских авторов со списком действительных, почетных и членов-корреспондентов «Вольного общества», а также со списком авторов, стихи которых читались на заседаниях общества, окажется, что, вероятно, именно наличие данного писателя в обществе явилось тем критерием, по которому он отбирал менее известные имена. Так, например, из общего числа поименованных в «предуведомлении» авторов (20 «признанных», 17 «приобретших право на уважение и признательность» и 26 «подающих надежды») из 63 человек — 41 состояли или членами общества, или авторами читавшихся в обществе произведений, или писателями, близкими к поэтам декабристского круга⁵². Видимо, Лобойко не входил в рассмотрение эстетических достоинств произведений молодых авторов, а также их литературной позиции, для него была достаточно их принадлежность

⁴⁷ В. Н. Олин. Ср. пушкинское: «Вот Олин — чёрная букашка» (А. С. Пушкин. ., т. 3, ч. 1, стр. 204). Писатель, переводчик и журналист начала XIX в., выступивший с критикой «Бахчисарайского фонтана» с классических позиций. См. Н. И. Мордовченко. Русская критика. ., стр. 210, а также «Поэты 1820—1830 гг.», стр. 10.

⁴⁸ А. А. Крылов — автор посредственных стихов, печатавшихся в журналах и альманахах того времени.

⁴⁹ А. Г. Родзянко — помещик, сосед А. П. Керн, изредка печатавший свои стихотворения в журналах и альманахах 1820-х годов. См. «Пушкин-критик». Сост. и примеч. Н. В. Богословского, М. 1950, стр. 738.

⁵⁰ П. Н. Арапов — «юнкер» в поэзии, по определению А. Воейкова, см. «Поэты-сатирики. .», стр. 600.

⁵¹ В. Базанов. Учёная республика, стр. 443.

⁵² П. Арапов, Е. Баратынский, С. Висковатов, Ф. Глинка, Н. Гнедич, В. Григорьев, А. Грибоедов, А. Дельвиг, М. Дмитриев, М. Загоскин, А. Измайлов, И. Козлов, А. Крылов, А. Норов, В. Панаев, П. Плетнев, В. Туманский, Б. Федоров, С. Шихматов, Н. Языков были членами общества; А. Бунина, А. Воейков, А. Востоков, П. Вяземский, С. Глинка, В. Измайлов, Ф. Кокошкин, Н. Остолопов, В. Филимонов — почетными членами; Н. Иванчин-Писарев, А. Иллчевский, А. Писарев, С. Раич, А. Склабовский — членами-корреспондентами. См. В. Базанов. Учёная республика, стр. 442—447. А. Шаховской не был членом «Вольного общества», но был относительно близок к этому кругу (В. Базанов. Учёная республика, стр. 344); П. Катенин был поэтом декабристского круга (Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики, М., 1965, стр. 245); что касается таких поэтов, как П. Ободовский, А. Родзянко, Ф. Тютчев, П. Шаликов, то их стихотворения читались на заседаниях общества (В. Базанов. Учёная республика, стр. 43, 414, 421, 430).

или близость к обществу. Поэтому в списке оказались имена «литературного юнкера» П. Арапова; цензора С. Глинки; «Лже-Дмитриева»; Н. Иванчина-Писарева (по выражению Воейкова, «горного мастера» переплавки чужих свинцовых стихов в свои⁵³); Ф. Кокошкина; А. Писарева (вспомним письмо Пушкина к А. А. Бестужеву 1824 г.: «Кто же будет писать? М. Дмитриев да А. Писарев? Хороши!»⁵⁴); «мелкой букашки» С. Раича; «школяра» Б. Федорова; «законопослушного» записного хвалителя добра П. Шаликова⁵⁵ и др.

Эклектизм так характерный для Лобойко, который всегда заботился прежде всего о библиографической полноте материала, а не об определенном принципе подхода, проявился здесь очень ярко: рядом перечислены писатели — карамзинисты, сентименталисты, сторонники Жуковского (например, П. Вяземский, В. Измайлов, В. Панаев, П. Шаликов) и — сторонники А. Шишкова (например, А. Шаховской, С. Шихматов), романтики (А. Пушкин, Е. Баратынский) и — сторонники классицизма XVIII века (например, В. Олин, А. Глаголев, ставший предметом насмешек после выступления с критикой «Руслана и Людмилы»⁵⁶), неоклассицисты декабристского толка (А. Грибоедов, П. Катенин); представители гражданской патриотической поэзии (А. Востоков, Н. Гнедич), революционеры и поэты близкие Рылееву (Ф. Глинка, В. Григорьев, В. Туманский) и — несомненные консерваторы (такие, как А. Бунина, М. Дмитриев). Однако следует отметить, что в списке Лобойко из поэтов, авторов декабристски-гражданственной лирики, отсутствуют только фамилии, которые нельзя было упоминать по цензурным соображениям (К. Рылеева, В. Кюхельбекера, А. Бестужева).

Книги регистрации читателей университетской библиотеки также до некоторой степени помогают в выяснении круга интересовавших Лобойко писателей. Он брал К. Батюшкова, А. Востокова, И. Дмитриева, А. Пушкина, В. Озерова, А. Шишкова, А. Писарева⁵⁷, И. Долгорукова⁵⁸. Возможно, что включение того или иного имени в обзорный раздел книги Лобойко определилось наличием этого автора в ранее вышедших хрестоматиях. Как видно по библиотеке Лобойко, он старался такие издания приобретать⁵⁹. (Список книг библиотеки Лобойко со-

⁵³ «Поэты-сатирики», стр. 598.

⁵⁴ А. С. Пушкин..., т. 13, стр. 101.

⁵⁵ Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики, М., 1965, стр. 211.

⁵⁶ Н. И. Мордовченко. Русская критика..., стр. 157.

⁵⁷ БАН, F-9, № 112, л. 5—148.

⁵⁸ ВГУ, КС-491, л. 142.

⁵⁹ В библиотеке Лобойко имелись следующие сборники: «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», СПб, 1821; «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», М., 1814. См. «Casopis českého musea», 1853, стр. 120, № 169, 172. Министерство просвещения в письмах, адресованных универси-

хранился благодаря тому, что в 1853 г. он подарил ее пражскому национальному музею, и была составлена дарственная опись»⁶⁰.

Шестой вопрос, думается, следует понимать как вопрос о значении переводов произведений иностранных писателей (или знакомства с их творчеством в оригиналах) для развития русской литературы. Он, несомненно, связан с тем большим интересом к шедеврам мировой литературы, который можно наблюдать уже в XVIII веке и который особенно усилился у писателей-романтиков 1820-х годов. Одновременно возникновение этого вопроса может быть объяснено также стремлением Лобойко подчеркнуть разнообразие просветительской деятельности Екатерины II (как известно, в ее правление были переведены «Кандид» Вольтера, «Персидские письма» Монтескье, сочинения Гомера, Платона, Тацита, Цицерона, Цезаря, Овидия, И. Флавия, Т. Тассо и др.)⁶¹. Русскому читателю были известны также иные произведения Вольтера⁶²; сочинения Руссо⁶³, Лессинга⁶⁴, Гольдони⁶⁵, В. Скотта⁶⁶, Сервантеса⁶⁷, Юнга⁶⁸, Расина⁶⁹, Шекспира⁷⁰ и др. Как рассматривал-

тету, рекомендовало ряд изданий: хрестоматию П. Островского, «Словарь древней и новой поэзии» Н. Остолопова. См. ЦГИА Лит. СССР, ф. 567, оп. 2, № 603, л. 84.

⁶⁰ В этой связи Лобойко вел переписку с В. Ганкой в 1852—1853 годах. См. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Изд. В. А. Францев, Варшава, 1905, стр. 632—634, 641—643. Каталог книг Лобойко включает, среди прочих, следующие издания: Собрание сочинений и переводов И. Ф. Богдановича, М. 1818; Собрание стихотворений А. Бунинной, СПб, 1819; Стихотворения А. Востокова, СПб, 1821; «Опыты аллегорий» Ф. Глинки, СПб, 1826; «Стихотворения барона Дельвинга», СПб, 1829; Сатиры, послания и другие стихотворения М. Милонова, СПб, 1819; «Прежние досуги» Н. Остолопова, М., 1816; «Забавы калифа» А. И. Писарева, М., 1825; Стихотворения А. Пушкина, СПб, 1826; Стихотворения А. Редькина, М., 1828; «Досуги сельского жителя». Стихотворения русского крестьянина Ф. Слепушкина, СПб, 1826; «Проза и стихи» В. Филимонова, СПб, 1822; «Повести князя Шаликова», М., 1819. «Časopis českého musea», 1853, стр. 115—122.

⁶¹ М. И. Сухомлинов. История российской академии, вып. 1, СПб, 1874, стр. 7.

⁶² П. Р. Западов. Вольтер в русских переводах XVIII века. Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, стр. 110.

⁶³ Ю. М. Лотман. Руссо и русская культура XVIII в., там же, стр. 216.

⁶⁴ Р. Ю. Данилевский. Лессинг в русской литературе XVIII в., там же, стр. 283.

⁶⁵ Р. М. Горохова. Драматургия Гольдони в России XVIII в., там же, стр. 351.

⁶⁶ Б. Г. Реизов. В. Жуковский переводчик Вальтер Скотта. В: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, стр. 439. А. А. Гозенпуд. Вальтер Скотт и романтические комедии А. Шаховского, там же, стр. 38.

⁶⁷ М. П. Алексеев. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX века. Л., 1964, стр. 65.

⁶⁸ А. В. Западов. Английские авторы в изданиях Н. И. Новикова, там же, стр. 80.

⁶⁹ Н. А. Сигал. Из истории русских переводов «Федры» Расина, там же, стр. 455.

⁷⁰ Ю. Левин. Русские переводы Шекспира. В: Мастерство перевода. М., 1966, стр. 5, 7. (Первая русская переделка «Гамлета» относится к 1748 г. В начале XIX века популярны были русские версии трагедий Шекспира).

ся этот вопрос на лекциях Лобойко (говорил ли он о переводах, переработках, подражаниях или влияниях) за неимением данных выяснить даже предположительно не представляется возможным⁷¹. Конкретно можно сказать об одном: Лобойко начинал обзор переводов с давних времен. Об этом свидетельствует 35-й раздел его краткой «Истории российской словесности», посвященный «переводам и переводчикам». В нем рассматриваются переводы древней поры, затем упоминаются переводы XVII века (с польского, немецкого, итальянского) и деятельность переводчиков из Киевской академии⁷².

7-й вопрос — очень общий, и следует предположить, что в число «самых знаменитых русских прозаиков и поэтов» Лобойко включал обычно встречающиеся в трудах его предшественников и современников имена: Ломоносова, Державина, Сумарокова и т. д., т. е. приводил некий компромиссный список из «канонов» Новикова, Борна, Греча.

Два вопроса посвящены особо отмеченным Лобойко периодам русской литературы: 1) «Какие писатели прославились в российской словесности в царствование императрицы Екатерины II»⁷³, 2) «Какие писатели в царствование императора Александра I признаны преобразователями русского слога»⁷⁴.

В русской литературной историографии сначала преобладали труды, авторы которых придерживались словарного принципа организации материала⁷⁵, затем появляются попытки введения периодизации литературного процесса, сперва с учетом лишь XVIII и начала XIX века⁷⁶. У Лобойко, кроме выделения эпох Екатерины II и Александра I,

⁷¹ Лобойко собирал библиографические сведения о переводах. Об этом свидетельствует черновая запись 1833 г., в которой он говорит о намерении издать «Известие об иностранных писателях и книгах, переведенных на русский язык с замечаниями о сих переводах». См. ИРЛИ, ф. 154, № 22, л. 1-об.

⁷² ИРЛИ, ф. 154, № 7.

⁷³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1115, л. 50-об.

⁷⁴ Там же, № 1112, л. 121-об.; 1116, л. 11-об., 19-об.

⁷⁵ Таковы: 1) приложенный к «Эпистоле о стихотворстве» А. П. Сумарокова словарь писателей (1747), 2) статья А. А. Волкова с хронологически расположенными биографиями писателей (1769), 3) «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (1772). См. П. Н. Берков. Введение..., стр. 20, 27.

⁷⁶ К. Н. Батюшков предлагал делить на следующие эпохи: 1) Ломоносова, 2) Фонвизина, 3) Державина, 4) Карамзина и 4) «новые времена»; И. М. Борн видел три периода: 1) от начала X до половины XV в., 2) от половины XV до XVIII в. 3) до начала XIX в. См. «История русской критики» стр. 173; у Греча выделены две эпохи: 1) IX—XVII век, 2) XVIII—начало XIX в. Проф. Дерптского университета А. Ф. Воейков в своих лекциях (1814—1820) историю русской поэзии делил на древний, средний и новый периоды. См. Биографический словарь. Юрьев, т. 1, стр. 353. Другой проф. того же университета — В. Перевощиков — различал следующие эпохи: 1) от принятия христианства до нашествия монголов, 2) от нашествия монголов до их изгнания, 3) от изгнания монголов до Петра Великого, 4) от Петра Великого до Александра I. См. Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее:

можно встретить разделение истории русской литературы на «древнюю» и «новую» (нельзя не видеть здесь подражания Гречу, который различал два периода «старый» и «новый»). В отличие от авторов, начинавших с XVIII века, Лобойко учитывает и допетровские времена⁷⁷.

В начале XIX века подчеркивание значения личной деятельности Екатерины II и Александра I для развития русской культуры и литературы было общепринятым. Просветительские труды Екатерины превозносили Греч, Бестужев, Н. Полевой, Вяземский⁷⁸. Формулировка первого вопроса у Лобойко заставляет предполагать, что после восхвалений высокой покровительницы русской литературы должен был следовать общепринятый перечень имен с краткими характеристиками творчества.

Расшифровать второй вопрос более сложно, т. к. речь идет о писателях «преобразовавших российский слог». В зависимости от того, что понимать под «преобразованием», могут быть созданы две исключаящие одна другую концепции. Если, вслед за Шишковым, считать очень важной для русского языка старославянскую стихию, к «преобразователям» надо отнести Шишкова и его последователей, стремившихся к восстановлению значения церковнославянизмов. Если же, вслед за Карамзиным, стремиться к ограничению состава славянизмов и к их употреблению в различных жанрах, к созданию общего литературно-разговорного стиля, то преобразователями явятся сначала карамзинисты, а затем романтики. Несомненно, что вопрос этот возник у Лобойко под влиянием полемики о «старом и новом стиле», которая возникла еще в начале века, после появления в 1803 году книги Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка», и продолжалась затем долгие годы⁷⁹. Чтобы попытаться выяснить, к какому из направлений — шишковскому или карамзинскому — Лобойко был более близок, обратимся к следующей группе вопросов.

Некоторые экзаменационные вопросы делят материал по жанровому принципу. Иногда вопросы требуют решения отдельных проблем: 1) Влияние на литературный стиль писателей эпохи Екатерины II⁸⁰. 2) Какие писатели служили образцом для писателей — преобразователей стиля в эпоху Александра I⁸¹. 3) Кто из современных писателей

ЦИИАЛ), ф. 734, оп. 1, № 20416, л. 22. Проф. Кременецкого лицея И. Александровский делил так: 1) эпоха до Петра I, 2) век Елизаветы, 3) век Екатерины II. См. рукопись в Ягеллонской библиотеке, № 5912, л. 78.

⁷⁷ Он записывает: «Историю российской литературы относил я до Петра I». Арх. АН СССР, Р IV, оп. 52, № 9, л. 3.

⁷⁸ П. Н. Берков. Введение..., стр. 44—45.

⁷⁹ Н. И. Мордовченко. Русская критика..., стр. 78.

⁸⁰ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1112, л. 50-об., 94-об., 130.

⁸¹ Там же, л. 19-об.

способствовал восстановлению в России славянской словесности⁸². 4) Кто из современных писателей более всего способствовал объединению русского и славянского языка и литературы⁸³. 5) Новые по стилю современные писатели⁸⁴. 6) Русские баснописцы⁸⁵. 7) Переводы псалмов на русский язык⁸⁶.

Достаточно прочесть первые три вопроса, чтобы увидеть, что, по мысли Лобойко, стиль классиков эпохи Екатерины II послужил образцом для преобразователей стиля в эпоху Александра I, когда ряд писателей способствовал «восстановлению» значения «славянской словесности». Напрашиваются выводы или о правоверном шишковизме Лобойко, или о его близости к позиции писателей декабристского круга — Катенину, Грибоедову, Кюхельбекеру — с их стремлением к слиянию величия славянского слога с «простотой русского»⁸⁷. К первому выводу склоняли бы нас заявления Лобойко, в которых он подчеркивал значение священных книг⁸⁸, его увлечение русскими летописями⁸⁹, этнографическими записями и народным творчеством⁹⁰. Если этот круг интересов сопоставить с теорией Шишкова о трех главных источниках обогащения и развития русской словесности (1. священные книги, 2. летописи, 3. народный язык⁹¹), то убеждение в шишковизме Лобойко покажется обоснованным. Однако тот факт, что Лобойко принадлежал к «Вольному обществу», посещал его заседания и был в курсе ведущейся там полемики, заставляет нас предположить, что здесь также имеет место эклектичность его взглядов. С одной стороны, он говорит о преобразованиях стиля под влиянием писателей —

⁸² Там же.

⁸³ Там же, л. 130.

⁸⁴ Там же, л. 24.

⁸⁵ Там же, л. 50-об., 94-об.

⁸⁶ Там же, л. 121-об. Тема одной письменной работы, которую Лобойко предложил студентам, требовала сравнения русских стихотворных переводов священного писания с переводами классических поэтов. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1115, л. 75-об.

⁸⁷ Н. И. Мордовченко. Русская критика..., стр. 79.

⁸⁸ Достаточно вспомнить переписку Лобойко с Румянцевым, где отражен его интерес к старопечатным евангелиям, к Супрасльской рукописи, к собранию М. Бобровского. См. Центральный государственный архив древних актов (далее: ЦГАДА), ф. 17, № 61 доп., л. 29, 31, 78, 89. Впрочем, обращение к евангелию может быть объяснено не только научными соображениями, но и стремлением угодить правительственным видам. Инструкция попечителя Казанского учебного округа, известного ретрорада Магницкого, разосланная «для ознакомления» и другим университетам, гласила, что «критический разбор священных писателей» должен быть главным занятием профессора литературы. См. И. М. Соловьев. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. СПб, 1914, стр. 49.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 17, № 61 доп., л. 27-об., 99.

⁹⁰ Письмо к Румянцеву от 8 февраля 1822 г. А. Каурижа... Literatūra, X, стр. 175.

⁹¹ Н. И. Мордовченко. Русская критика..., стр. 89.

«образцов» XVIII века, о «восстановлении» славянской словесности; с другой же — обратимся к 4-му и 5-му вопросам — говорит об «объединении русского и славянского» языка и о «новых по стилю современных писателях». В этих формулировках можно усматривать не только кюхельбекерско-катенинские тенденции, но даже и отзвуки пушкинских языковых преобразований. В решении вопроса о преимущественной ориентации Лобойко могли бы помочь его печатные выступления, но их мы не находим⁹². На заседаниях общества он также ни разу не выступил. Правда, уже сам факт присутствия на заседаниях вместе с Кюхельбекером, Дельвигом, Ф. Глинкой, Рылеевым⁹³ и знакомства с ними позволяет высказать предположение, что эстетические воззрения той части «Вольного общества», которая была склонна очень высоко ценить старославянскую стихию как одно из средств утверждения гражданского пафоса в литературе⁹⁴, могли до известной степени воздействовать на Лобойко. В пятом вопросе думается, под «новыми по стилю современными писателями» Лобойко имеет в виду романтиков во главе с Пушкиным. Чуткий к журнальным и литературным новостям, он не мог, видимо, не обратить внимания на полемику, разгоревшуюся вокруг поэм Пушкина (в 1820 г. — «Руслан и Людмила»; в 1822 г. — южные поэмы⁹⁵). Это предположение тем более вероятно, что Лобойко был, наверное, хорошо знаком с немецкой романтической поэзией. Он восторженно встретил появление «Гражины» А. Мицкевича⁹⁶, сравнивая польского поэта с немецкими романтиками. (См. также его письмо к П. Кеппену с рекомендацией ссыльного Мицкевича: «При сем рекомендую вам также отличных наших молодых ученых — Мицкевича, ныне первенствующего польского поэта романтической школы, образовавшегося по немецким образцам, и Ежовского, издателя Горация»⁹⁷). Как объяснить противоречивые формулировки экзаменационных вопросов Лобойко? Думается, что правильным является вывод о его эклектизме. Он был готов брать то, что представлялось ему рациональным, и от карамзинистов, и от шишковистов, и от романтиков.

⁹² Отсутствие печатных работ Лобойко не должно удивлять. По свидетельству историка Харьковского университета Д. Багалей, в российских университетах того времени исследования профессоров были редки. Считалось, что профессора не столько должны развивать науку, сколько распространять научные сведения в популярной форме. См. Д. И. Багалей. Опыт истории Харьковского университета, т. I, Харьков, 1893—1898, стр. 639.

⁹³ В. Базанов. Ученая республика, стр. 369 и след.

⁹⁴ История русской критики... стр. 193.

⁹⁵ Там же, стр. 139.

⁹⁶ В воспоминаниях Лобойко писал: «В восхищении моем я написал к нему в Ковно 27 мая 1823 г. письмо по-немецки, находя в нем тесное родство с гением Бюргера, Гёте и Шиллера». ИРЛИ, ф. 154, № 37, л. 18.

⁹⁷ Арх. АН СССР, ф. 30, оп. 3, № 352, л. 10.

Его введение к курсу русской литературы, посвященное «происхождению письменного русского языка», также свидетельствует о его эклектизме. Лобойко писал, что Шишков «приметил» стремление Карамзина «удалить русский язык от славянского» и стал защищать «систему пуризма», «наступила борьба», в результате которой писатели «решились идти средним путем, т. е. следовать языку народному, не чуждаясь славянского»⁹⁸.

Вопрос о русской басне можно объяснить современной Лобойко полемикой о языке басни и значительным количеством статей, посвященных басне как жанру и творчеству русских баснописцев. Много внимания басне было посвящено в «Вольном обществе»: на его заседаниях читались басни⁹⁹, одним из его членов был известный баснописец А. Е. Измайлов¹⁰⁰, на заседании 8 ноября 1820 г. слушалась работа А. Ф. Рихтера «О произведениях некоторых наших баснописцев»¹⁰¹. В 1816 году вышло отдельной книгой рассуждение Д. И. Хвостова «Некоторые мысли о сущности басни», представлявшее собой пересказ Буало¹⁰². В 1823 г. П. Вяземский выступил с предисловием к сочинениям И. И. Дмитриева, где большое внимание обращено на анализ и оценку языка басен¹⁰³. (Эта статья Вяземского читалась и на заседании «Вольного общества» 2 октября 1822 г.¹⁰⁴). Басня как жанр была очень популярна в русской литературе уже начиная с середины XVIII века. В начале XIX века многие поэты выступают с баснями: Державин, Дмитриев, Жуковский, Гнедич, Измайлов¹⁰⁵. Признанным главой баснописцев становится И. Крылов. Кого более ценил Лобойко? Как Кюхельбекер, Крылова или, как сентименталисты, карамзиниста И. Дмитриева? Обратимся к следующей группе вопросов и посмотрим, каких писателей он выделил особо: 1) Заслуги А. С. Шишкова в восстановлении славянской словесности¹⁰⁶. 2) Краткие сведения о жизни

⁹⁸ ИРЛИ, ф. 154, № 1, л. 7. Даже такая умеренная позиция Лобойко представляется положительным явлением, если вспомнить, что, например, проф. Петербургского университета Я. В. Толмачев выступал с кафедры с открытой хулой романтизма и восхвалениями классицизма. См. Санкт-Петербургский университет в первые 100 лет его деятельности 1819—1919. Материалы, т. 1, ред. проф. С. В. Рождественского, собрали и издали И. Л. Маяковский и А. С. Николаев, Петроград, 1919, стр. LXXXVI.

⁹⁹ В. Базанов. Ученая республика, стр. 372.

¹⁰⁰ Там же, стр. 442.

¹⁰¹ Там же, стр. 387. Лобойко, правда, на этом заседании не было.

¹⁰² История русской критики..., стр. 164.

¹⁰³ Там же, стр. 231.

¹⁰⁴ В. Базанов. Ученая республика, стр. 421. Лобойко на заседании не было.

¹⁰⁵ Русская басня XVII—начала XIX в. М. с. б. п., Л., 1951, вступительная статья Н. Степанова, стр. 39.

¹⁰⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1115, л. 24.

и творчестве Г. Р. Державина¹⁰⁷. 3) Жизнь и поэмы К. Н. Батюшкова¹⁰⁸. 4) Риторические сочинения М. В. Ломоносова¹⁰⁹. 5) Содержание од Ломоносова¹¹⁰. 6) Сравнить Ломоносова с Сумароковым¹¹¹. 7) Сравнить между собой русских баснописцев Хемницера, Крылова, Дмитриева¹¹².

Отдельные вопросы посвящены очень немногим писателям. Думается, что Шишков оказался среди них не столько по причинам мери-торическим¹¹³, сколько по соображениям калькулятивным: живший только на профессорское жалованье, Лобойко не мог не принимать во внимание возможного отношения к нему Шишкова¹¹⁴. Вопрос о сравнении Ломоносова и Сумарокова, должно быть, был вызван известной в свое время их полемикой, начавшейся выступлением Сумарокова с критикой языка Ломоносова¹¹⁵. Предлагая сравнивать баснописцев, Лобойко, вероятно, помнил о статьях по поводу языка басен, но у нас нет оснований утверждать, что именно в этом направлении шел анализ. Одинаково возможно предположение, что Лобойко ограничивался сравнением, аналогичным статье В. Жуковского, помещенной в «Учебной книге» Греча¹¹⁶. Более поздние данные говорят, что Лобойко соби-

¹⁰⁷ Там же, № 1112, л. 84, 121; № 1116, л. 10-об.

¹⁰⁸ Там же, № 1116, л. 10-об.

¹⁰⁹ Там же, № 1115, л. 15-об.

¹¹⁰ Там же, № 1112, л. 84.

¹¹¹ Там же, № 1112, л. 84; № 1115, л. 15-об.

¹¹² Там же, № 1112, л. 84.

¹¹³ Некоторые деятели русской культуры ценили стремление Шишкова доказать выразительность и богатство языка русской словесности, его борьбу против засорения языка иноязычными словами. С этой точки зрения, например, похвально говорил о нем проф. Московского университета А. Ф. Мерзляков (в «Рассуждении о российской словесности в нынешнем ее состоянии», помещенном в «Трудах Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете, 1812, ч. 1, стр. 69—70).

¹¹⁴ Как Лобойко писал Е. Болховитинову в 1833 г., он все время чувствовал угрозу увольнения из университета и в течение 12 лет тратил «половину времени на то, чтобы удержаться на месте». Известным показателем отношения властей к Лобойко является факт контроля за его перепиской. Приведенная цитата взята нами из архивного дела «По отношению военного министра с препровождением выписки из письма бывшего профессора Виленского университета Лобойки к киевскому митрополиту Евгению». ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 10, № 94, л. 2. Известны также жалобы Лобойко на «крайнюю нищету» после закрытия университета. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 2, № 2921, л. 164.

¹¹⁵ История русской критики..., стр. 64, 74—75.

¹¹⁶ Для иллюстрации приведем отрывок из этого «анализа»: «Два голубя» басня [...] кажется нам почти столь же совершенною, как и басня Дмитриева того же имени: в обеих рассказ равно приятный, в последней более поэзии, краткости и силы в слог, зато в первой, если не ошибаемся, чувства выражены с большим просто-душием». Н. И. Греч. Учебная книга российской словесности, т. 3, стр. 196.

рался посвятить Крылову три главы в своей предполагаемой «Истории русской литературы»¹¹⁷.

Ряд вопросов Лобойко посвятил отдельным произведениям: 1) Разобрать стихотворение Жуковского «Теон и Эсхин»¹¹⁸. 2) Ода Ломоносова «На вступление на трон имп. Елизаветы»¹¹⁹. 3) Объяснение оды Державина¹²⁰. 4) Ода Капниста «На счастье»¹²¹. 5) И. Дмитриев, перевод 49 псалма¹²². 6) Духовная ода Анны Буниной «Гордость»¹²³. 7) Духовная ода Шатрова¹²⁴. 8) Ода Державина «Бессмертие души»¹²⁵. 9) Разбор и перевод избранных од Державина¹²⁶. Имена авторов, произведения которых Лобойко анализировал на занятиях по практическому курсу русской литературы, весьма показательны. Он учил красотам стиля на примерах из Державина, Капниста, Ломоносова. Для произведений лишь упомянутых в хрестоматии Лобойко — А. Пушкина, Е. Баратынского, П. Вяземского, А. Грибоедова и др. — места на занятиях не нашлось.

Как видно по вопросам, Лобойко сообщал студентам сведения по истории версификации, а также о современном русском стихосложении: 1) Разобрать несколько российских стихотворений по правилам метрического стопосложения¹²⁷. 2) Тонический, силлабический, метрический стих, гекзаметр¹²⁸. 3) История стихосложения в России¹²⁹. 4) Стихосложение во время Петра I¹³⁰. 5) Начало искусства стихосложения в русской литературе¹³¹. На 1-й и 2-й вопросы, вероятно, достаточны были ответы в объеме «Учебной книги» Греча, в которой даются общие понятия о стихосложении¹³². При освещении 3-го, 4-го и 5-го вопросов лаконичных сведений Греча было недостаточно. Соответствующие сведения Лобойко мог почерпнуть из современных ему работ. Стихосложение и история стихосложения весьма занимали русскую научную мысль начала XIX в. А. Востоков выступил со своим знаменитым

¹¹⁷ И. Лебенка. . . , Литература, X, стр. 100—101.

¹¹⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1112, л. 124-об., № 1116, л. 15-об.

¹¹⁹ Там же, № 1115, л. 50-об.

¹²⁰ Там же, № 1112, л. 121.

¹²¹ Там же, № 1121, л. 121-об., № 1116, л. 11-об., 29.

¹²² Там же, № 1112, л. 121-об., № 1116, л. 11-об.

¹²³ Там же, № 1112, л. 123, № 1116, л. 14.

¹²⁴ Там же, № 1112, л. 123.

¹²⁵ Там же, № 1116, л. 10-об.

¹²⁶ Там же, № 1112, л. 84.

¹²⁷ Там же, № 1115, л. 74.

¹²⁸ Там же, № 1112, л. 1112, л. 77-об.

¹²⁹ Там же, № 1116, л. 15-об.

¹³⁰ Там же, № 1112, л. 77-об.

¹³¹ Там же, № 1112, л. 124-об.

¹³² Н. Греч. «Учебная книга. . . », ч. 3, 1820, стр. 6—10, 13.

«Опытом о русском стихосложении» (1812) и пропагандой народного былинного стиха¹³³. Члены «Вольного общества» критически относились к шишковской теории защиты старого слога и старого стихосложения. На заседаниях общества рассматривались старинные русские песни¹³⁴. Известный славист и корреспондент Лобойко К. Калайдович издал в 1818 г. «Древние российские стихотворения». О народном русском стихосложении писал в своей книге Греч. По нашим предположениям, Лобойко мог начинать исторический обзор с народного стиха, затем говорить о деятельности В. Тредиаковского и о его «Новом и кратком способе к сложению российских стихов»; о трудах в этой области Ломоносова («Письмо о правилах российского стихотворства» и др.); о полемике начала XIX века, с которой он, член «Вольного общества» и читатель журналов, был, вероятно, неплохо знаком¹³⁵. (У нас, правда, нет данных судить, в какой мере он учитывал стихотворные нововведения Пушкина и других поэтов-романтиков, например, четырехстопный ямб пушкинских южных поэм, мужские рифмы Жуковского, несоответствие синтаксического и метрического членения стихотворений и др.).

В качестве писателей в экзаменационных вопросах упомянуты и двое монархов: 1) «Личное участие императора Петра I в словесности»¹³⁶, 2) Сочинения Екатерины II, ее заслуги перед литературой¹³⁷. Об апологетическом отношении Лобойко к деятельности Екатерины мы говорили выше. Что же касается первого вопроса, то трудно решить, что Лобойко имел в виду, говоря о «личном участии» Петра I в словесности. Вероятно, реформаторскую деятельность Петра в области книгопечатания, участие в издании словарей, его указ 1722 года о сборе имеющихся летописей и хронографов, открытие Петром кенигсбергского списка Несторовой летописи и некоторые др. факты. Как известно, никакой склонности к литературному творчеству (в отличие от Екатерины, много писавшей) Петр никогда не проявлял.

Один экзаменационный вопрос касался фольклора: «О пословицах»¹³⁸. Лобойко долгие годы переписывался с известным собирателем русских пословиц И. М. Снегиревым, немного даже помогал ему в собирании материалов к его статье о пословицах и поговорках в «Московском вестнике» (1830, № 14—16), а также к его «Опыту рассужде-

¹³³ Н. И. Мордовченко. Русская критика..., стр. 115; «История русской критики», стр. 415.

¹³⁴ В. Базанов. Ученая республика, стр. 380.

¹³⁵ В черновых планах 1833 г. Лобойко записал, что собирается издать сочинение «О российском стихосложении». ИРЛИ, ф. 154, № 22, л. 1-об. (аналогичные записи встречаем также на л. 5-об., 6-об.).

¹³⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1112, л. 132.

¹³⁷ Там же, № 1112, л. 76-об.

¹³⁸ Там же, л. 132.

ния о русских пословицах»¹³⁹. М. Бобровский и Лобойко рассматривали план работы Снегирева и одобрили его: «Проекты Ваши мы читали [...] проф. Бобровский говорит, что они составлены с систематической точностью [...] мое мнение то же самое [...] будет ли это трактат о народных пословицах, подобно изданному Вами в 1823 г.?». Далее Лобойко дает Снегиреву совет: «Я заметил, что надобно вспомнить о пословицах сатирических на города и поветы и народных проклятиях»¹⁴⁰. Можно предположить, что именно под влиянием занятий Снегирева у Лобойко находим этот единственный вопрос по фольклору. (В каталоге его личной библиотеки значатся: «Взгляд на пословицы вообще и особенно русские» И. Снегирева; «Полное собрание русских пословиц, расположенное по азбучному порядку» (СПБ, 1822)¹⁴¹.

Два экзаменационных вопроса относятся к библиографии предмета и литературной историографии: 1) Пособия для изучения русской литературы¹⁴². 2) Библиографические сочинения для изучения русской литературы¹⁴³. Библиографические сведения Лобойко были очень обширны. Стремление к библиографической полноте было одновременно и сильной, и слабой его стороной. Как видно по его черновикам, он собирает бесчисленное количество данных. Обилие материала поглощает его, часто он не в состоянии в нем разобраться. О системе и отборе говорить трудно: выписки из «Опыта» Новикова, из его же «Древней российской вивлиофики», из словаря Болховитинова, из «Опыта русской библиографии» Сопикова, из «Пантеона российских писателей» П. Бекетова и др. нагромождаются в устрашающем для читателя его рукописей количестве. Данные университетской библиотеки¹⁴⁴ и каталог его личной библиотеки говорят о постоянном его обращении к трудам информационного характера¹⁴⁵. Свидетельством стремления Лобойко к библиографической полноте материалов является также

¹³⁹ Арх. АН СССР, оп. 52, № 7, л. 2; там же, Р IV, оп. 52, № 8, л. 59. Из этой переписки видно, что Лобойко при помощи студентов собирал для Снегирева материалы: «Если наскоро собранные мною материалы достойны будут внимания Вашего,—писал он,—тогда можно будет обратиться и в другой раз к сему источнику...

¹⁴⁰ Арх. АН СССР, Р IV, оп. 52, № 9, л. 1, 8.

¹⁴¹ «Casopis českého musea»..., стр. 819.

¹⁴² ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1112, л. 77.

¹⁴³ Там же, № 1112, л. 77; № 1114, л. 84.

¹⁴⁴ БАН, F-9, № 112, л. 25, 32, 42.

¹⁴⁵ Из университетской библиотеки он брал и подолгу держал «Российский библиографический словарь», «Древнюю российскую вивлиофику» Новикова, «Словарь древней и новой поэзии» Н. Остолопова. В его библиотеке были следующие издания: словарь Е. Болховитинова, «Роспись книгам...» А. Смирдина, «Опыт российской библиографии» В. Сопикова, «Описание старопечатных книг славянских и российских...» П. Строева.

одно из его писем к К. Калайдовичу, в котором он особенно подчеркивал важность библиографических сведений¹⁴⁶. Письмо Лобойко к П. Кеппену с указанием на пропущенные у Греча произведения — еще одно доказательство библиографических интересов Лобойко¹⁴⁷.

Подводя итоги, можно так определить университетский курс Лобойко по русской литературе: курс состоял из двух частей — истории русской литературы и анализа произведений некоторых выбранных авторов (практическая часть курса)¹⁴⁸. История литературы состояла из «древней» и «новой»¹⁴⁹. В протоколах экзаменов нет вопросов о «Слове о полку Игореве», о поучениях В. Мономаха и др. произведениях древней поры. Однако это не значит, что в лекциях Лобойко о них не было речи. Обратимся к 34 разделу его рукописи по истории сло-

¹⁴⁶ В письме от 12 января 1828 года Лобойко сообщал: «...Российская литература преподается у нас иначе, нежели в русских университетах [...] Теория изящной словесности, риторика, поэзия не мое дело. Это предмет профессора польской литературы. Для меня остается разбор сочинений русских и история российской словесности [...] Наши студенты ни от кого о том не могут узнать, как только от профессора [...] И потому история российской словесности в курсе моем составляет главный предмет [...] все то, что относится к истории российской литературы и чего нет у Греча, для меня весьма драгоценно. Библиографические известия здесь очень любят [...]» ГПБ, ф. 328, № 393.

¹⁴⁷ Арх. АН СССР, ф. 30, оп. 3, № 352, л. 14-об. Свидетельством того, что Лобойко постоянно собирал текущие библиографические сведения, является также его черновая запись, относящаяся к 1833 году, в которой он отмечает, что хочет издать «Историю российской литературы» (ИРЛИ, ф. 154, № 22, л. 1-об.) Труд этот он мыслит скорее как библиографический: «Признав за основание Сопикова библиографии и другие пособия, издать такой же труд по следующему плану: сочинения размещать алфавитно по имени авторов, без имени по заглавию книг. Отделить книги и тетради. Книги славянские, т. е. писанные церковно-славянским языком, и русские. Сочинения оригинальные и переводы, журналы особо...» По его мысли, библиография должна включать: 1) книги славянские и церковных славянских писателей с 1491 года, 2) русские литературные произведения и переводы, 3) труды членов обществ, помещавшиеся в журналах. Он предполагал назвать свою библиографию — «Летопись российской словесности» (ИРЛИ, ф. 154, № 22, л. 3, 3-об.). В ином месте он сделал запись о желании издать «Библиографию российскую» и «Историю российской литературы с дополнениями», а также «Дополнения к российскому словарю» (там же, л. 5-об.). Им было также задумано издание биографий «современных российских писателей» (там же, л. 5-об.).

¹⁴⁸ В качестве отдельного вопроса он рассматривал белорусскую литературу, называя ее «русской литературой в Литве». Проф. Снегирев, просмотрев его конспект лекций, спрашивал о причинах отсутствия Зизания и Памвы Берынды, прибавляя, что «вообще конспект весьма дельный, любопытный и важный» (Арх. АН СССР, р. IV, оп. 52, № 9, л. 66-об.). Лобойко на этот вопрос ответил: «О влиянии Запада я, хотя и делая вопросы, не упоминаю в разрешении других вопросов. Что касается до Зизания и Берынды, я говорю о них в вопросах: состояние рос[сийской] словесности в Литве? Ибо Литовское княжество, будучи в существе своем особым от России государством, в течение XIV—XVII века имело особенную словесность, независимо от великороссийской». (Там же, л. 3).

¹⁴⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, № 1119, л. 156.

вственности, посвященному «Древнейшим памятникам словено-русской словесности». В нем Лобойко говорит о договорах с греками, о «Русской правде», о летописи Нестора, о поучениях Мономаха, о «поучительных словах» Кирилла Туровского и о «Слове о полку Игореве»¹⁵⁰. Как можно судить по одному из писем к Снегиреву, Лобойко рассматривал язык «Слова» с точки зрения норм старославянского языка. Он писал, что считает необходимым посмотреть «на этот памятник древности», анализируя те изменения, которые происходили в церковнославянском языке. Он считал, что в языке «Слова» можно найти «чистые словенские формы, коих либо не находим уже ни в одном словенском наречии в совокупности, ни в русском языке, ни в словенских грамматиках, изданных в России». По мнению Лобойко, непонятные места «Слова» «происходят от повреждений текста переписчиками и от областных слов, кои противу воли и намерения писателя вкрались в слог его... Славянский язык был общим языком всех наших писателей, но каждый из них примешивал областное свое наречие не с умыслом, а по недостатку филологической критики»¹⁵¹.

Учитывая все вышесказанное, нельзя согласиться с филоматом Н. Малиновским, назвавшим Лобойко неучем. Наоборот, это был очень начитанный и разносторонних интересов человек, хорошо знавший русскую литературу.

Осуждать Лобойко за эклектизм (он может, как романтики, восхищаться «Гражиной» и одновременно на лекциях в университете анализировать прежде всего Ломоносова, Капниста, Державина) было бы неисторично. Вспомним, например, эклектизм в подходе к вопросам литературы одного из известнейших профессоров того времени, проф. Московского университета Мерзлякова¹⁵².

Деятельность Лобойко не имела, конечно, такого значения, как деятельность Мерзлякова¹⁵³, но если припомнить, что в Петербургском университете преподавал в то время проф. Я. В. Толмачев, «характерный представитель архаического литературоведения», питавший «закоренелую ненависть ко всему живому и современному»¹⁵⁴, что профес-

¹⁵⁰ ИРЛИ, ф. 154, № 7.

¹⁵¹ Арх. АН СССР, Р IV, оп. 52, № 93.

¹⁵² История русской критики, стр. 177.

¹⁵³ Н. К. Гудзий. «Изучение истории русской литературы в Московском университете в дооктябрьский период». Юбилейная научная сессия, посвященная 200-летию университета, 9—13 мая 1955. Тезисы докладов филологического факультета, изд. МГУ, М. 1955, стр. 8.

¹⁵⁴ Н. К. Пиксанов. «История русской литературы в ЛГУ за 120 лет», рукопись в Музее истории ЛГУ.

¹⁵⁵ Н. Булич. Из первых лет Казанского университета, 1805—1819, ч. 1, Казань, 1887, стр. 131—132.

сором русской словесности в Казанском университете был ограничен-
ный реакционер Городчанинов¹⁵⁵, то лекции Лобойко в таком сопо-
ставлении представляются явлением весьма положительным. Лобойко был
эрудированным популяризатором русской литературы и культуры, нахо-
дившимся в личных контактах со многими представителями русской,
польской и литовской науки и культуры и способствовавшим их взаим-
ному ознакомлению.

Октябрь, 1968

*Кафедра польского языка и литературы Вильнюсского
государственного педагогического института*

RUSŲ LITERATŪROS EGZAMINŲ PROBLEMATIKA VILNIAUS UNIVERSITETE XIX a. PRADŽIOJE

A. KAUPUŽA

Re z i u m ė

Remiantis Lietuvos TSR Centrinio valstybinio istorinio archyvo
literatūros skyriuje saugomais 1822—1932 metų protokolais, galima
spręsti apie prof. I. Loboiko rusų literatūros egzaminų klausimų proble-
matiką ir padaryti kai kurias išvadas apie literatūros kurso turinį. Egza-
minų klausimų analizė rodo, kad prof. I. Loboiko paskaitų tematika buvo
gana įvairi (literatūros istorijos ir teorijos, Rusijos istorijos, rusų lite-
ratūros klausimai), tačiau jose, atrodo, būta eklektiškumo.

EXAMINATIONS PROBLEMS IN THE RUSSIAN LITERATURE COURSE READ BY PROFESSOR LOBOIKO I. N. AT THE VILNIUS STATE UNIVERSITY IN THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

A. KAUPUŽA

S u m m a r y

Examining the minutes of literature department in 1822—1823 has
made it possible to restore the problems of examination questions in
Russian literature course read by professor Loboiko I. N. It has also
enabled the investigator to make an attempt to throw some light on the
content of literature course. The minutes are to be found in the Central
State History Archives of the Lithuanian SSR.

The analysis of the examination questions reveals that the content of the lectures by professor I. N. Loboiko was diverse (the problems of literature history and theory, the history of Russia, the evolution of Russian culture were touched upon). But it is very likely that the account was eclectic.